

Этнология, антропология и этнография

Научная статья
УДК 39(392)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-175-191
EDN: HZNGNY

АМУЛЕТЫ И ОБЕРЕГИ НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В СОБРАНИИ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Рица Шотовна Зельницкая

Российский Этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия

riza81@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению предметов из собрания Российского этнографического музея, основными функциями которых являются охранительные. Сбор предметов, которые носили охранительные или оберегательные функции, связан с первыми музейными экспедициями на Кавказ и продолжается до настоящего времени. Исследователи часто обращаются к изучению магических практик, которые являются неотъемлемой частью жизни традиционных обществ. В ходе исследования выявлено, что на Северо-Западном Кавказе бытовали похожие друг на друга амулеты и обереги вне зависимости от господствующего вероисповедания народов, населяющих регион. Основным источником работы являются предметы из собрания РЭМ, которые представляют все типы амулетов и оберегов, бытовавших здесь. В статье также привлечены работы предшественников, посвященных духовной культуре народов Северо-Западного Кавказа, а также полевые материалы автора, собранные во время многолетних этнографических экспедиций в исследуемый регион. В ходе исследования автор приходит к следующим выводам: 1) при создании амулетов религиозная принадлежность народов Северо-Западного Кавказа имеет второстепенное значение; 2) несмотря на принадлежность к мировым религиям – исламу или христианству, люди с помощью отдельных предметов стараются защитить себя и пространство вокруг от вредоносного воздействия; 3) в качестве охранительного предмета может использоваться любой предмет, которому придавалось сакральное значение. Результаты исследования показывают Кавказ как регион, где происходило постоянное взаимодействие народов, приводящее к взаимному обогащению культур.

Ключевые слова или словосочетания: амулеты, Кавказ, ислам, народные верования, черкесы, карачаевцы.

Для цитирования: Зельницкая Р.Ш. Амулеты и обереги народов Северо-Западного Кавказа в собрании Российского этнографического музея // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 175-191. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-175-191. EDN: HZNGNY.

© Зельницкая Р.Ш., 2023

Original article

**AMULETS AND CHARMS OF THE PEOPLES
OF THE NORTHWESTERN CAUCASUS
IN THE RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY COLLECTION**

Ritsa Sh. ZelnitskayaRussian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia, riza81@yandex.ru

Abstract. The article examines objects from the Russian Ethnographic Museum's collection, the primary purposes of which are protective. The collection of things with defensive or protective properties dates back to the first museum excursions to the Caucasus and is still going on today. Researchers frequently turn to the study of magical activities that are a vital component of traditional societies' lives. The study discovered that amulets and amulets identical to each other existed in the North-Western Caucasus, regardless of the prevalent religion of the region's peoples. Items from the REM collection, which represent all forms of amulets and amulets that existed here, are the primary source of work. The article also depends on the works of predecessors devoted to the spiritual culture of the peoples of the Northwestern Caucasus, as well as field materials gathered by the author throughout many years of anthropological expeditions to the region under investigation. The author concludes that: 1) when creating amulets, the religious affiliation of the peoples of the North-Western Caucasus is of secondary importance; 2) despite belonging to world religions - Islam or Christianity - people use individual objects to protect themselves and the space around them from harmful effects; and 3) any object that has been given sacred significance can be used as a protective object. The study's findings demonstrate the Caucasus as a place where peoples have constantly interacted, resulting in reciprocal enrichment of civilizations.

Keywords: amulets, Caucasus, Islam, folk beliefs, Circassians, Karachays.

For citation: Zelnitskaya R.Sh. Amulets and charms of the peoples of the Northwestern Caucasus in the Russian Museum of Ethnography collection. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 175-191. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-175-191. EDN: HZNGNY.

© Zelnitskaya R.Sh., 2023

Народы Северо-Западного Кавказа в своем историческом развитии прошли путь от язычества к мировым религиям. Благодаря своему географическому положению данная территория стала местом, по которому проходили торговые пути известные еще со времен Великого шелкового пути. На разных исторических этапах народы, проживающие в регионе, познакомились как с христианством, так и с исламом. Распространение христианства, а затем ислама привело к формированию эклектики верований, так как они с одной стороны наложились на существовавшие народные представления, а с другой – привнесли новые религиозные практики. Это отразилось на видах различных амулетов и оберегов, бытовавших здесь.

Для того чтобы защитить себя, семью и свой дом от нечистой силы, народы Северо-Западного Кавказа прибегали к различным магическим средствам. В большинстве случаев это были амулеты и обереги. По определению В.Н. Басилова и И. Винкельмана приведенному «Своде этнографических понятий и терминов»:

«апотропей (*оберег*) определяется как «предмет, знак, действие или состояние, слово, фраза, звук, запах, которые охраняют человека, животных, растения, предметы и постройки от вредоносного действия злых сил (духов, божеств, сглаза, колдовских чар)» [Басилов, Винкельман 1993: 135].

Представление о порче, сглазе приводило к развитой системе различных оберегов и амулетов, защищавших и от злых людей. Для обережения применялись либо пассивные, либо активные меры.

К пассивным можно отнести ношение различного рода амулетов, к активным – систему действий, направленных к тому, чтобы сберечь себя или свое имущество от возможного нанесения вреда.

Амулеты народов Северо-Западного Кавказа представляют большой научный интерес. Первая работа, в которой было сделано обобщающее исследование амулетов, – это небольшая монография Г.Ф. Чурсина «Амулеты и талисманы кавказских народов», изданная в 1929 г. в Махачкале [Чурсин 1929]. Несмотря на ее фундаментальность, в данной монографии отсутствует описание самих предметов. Еще одной важной работой для исследователей является статья Е.М. Шиллинга, «Амулеты восточного Кавказа (с предисловием Е. Терюковой)», в которой «приводимый материал автор располагает по многочисленным рубрикам («части человеческого тела», «животные», «растения», «раковины», «камни», «огниво», «железо», «подковы», «кольцо», «сеть», слова и молитвы) с включением в каждую из них более или менее случайного подбора фактов, относящихся к самым разнообразным районам Кавказа», переизданная в 2018 г. [Шиллинг 2018: 217]. Несомненный научный интерес представляет коллективная монография «Религиозные пережитки черкесов-шапсугов» под редакцией С.А. Токарева и Е.М. Шиллинга основанная на материалах шапсугской экспедиции 1939 г., в которой авторами была предпринята попытка рассмотреть все стороны духовной жизни черкесов [Религиозные пережитки 1940].

Целью данного исследования является введение в научный оборот амулетов и оберегов народов Северо-Западного Кавказа из собрания Российского этнографического музея (далее РЭМ).

Важной исследовательской задачей является выявление доисламских и исламских компонентов, входящих в состав амулетов.

Это позволит проследить культурную связь народов, проживающих в данном регионе, и раскрыть тему сосуществования различных религиозных представлений и практик в рамках культур народов региона. В собрании РЭМ содержатся десятки амулетов народов Кавказа – бараний череп от сглаза, камни с естественным отверстием, амулет-буса, амулет-тряпочка, а также бусы, раковины каури, кусочек янтаря, дуа с молитвой и т.п.

В настоящей статье в качестве исследуемого материала были отобраны амулеты народов Северо-Западного Кавказа и близких к ним по культуре абхазов. Собрание культовых предметов довольно полно отражает сложную систему религиозного многообразия, которая включает в себя как «пережиточные явления древних языческих культов, так и отдельные трансформированные элементы мировых религий – ислама и христианства» [Лойко 2013: 247-248].

Собирание религиозных предметов входило в программу сбора экспонатов, созданную основателями Этнографического отдела Русского музея им. Александра III. Учитывая особую сакральную значимость данных артефактов, следует отметить, что не все собиратели получали доступ к ним, а уж тем более возможность приобретения. Тем не менее, некоторое количество амулетов удалось привезти. В числе собирателей можно назвать сотрудников музея и корреспондентов А.А. Миллера, А.К. Сержпутовского, Е.Н. Студенецкую, В.Н. Воробьева, З.П. Валаева. После закрытия Музея народов СССР в Москве в 1946 г. фонды

Государственного музея этнографии народов СССР (ГМЭ) пополнились новыми экспонатами, в числе которых были амулеты, собранные Е.М. Шиллингом.

Амулеты из собрания РЭМ, привезенные из Северо-Западного Кавказа датируются периодом конца XIX – первой четверти XX в. и представляют собой ценный источник для изучения духовной культуры региона. Этнографическая литература содержит данные о распространении и использовании у народов Северо-Западного Кавказа амулетов и оберегов разного типа, но по поводу бытования исследуемых предметов необходимо отметить, что нам не известна их гендерная и половозрастная принадлежность. Также следует отметить, что в качестве амулета могла использоваться любая вещь, которой придавалось магическое значение, и, соответственно, охранительные функции. Кроме того, здесь бытовали амулеты из камня с естественным отверстием, которые использовались в целительных целях [Лавров 1955: 32].

Рис. 1. РЭМ. Колл. № 2008-56.

Несомненный интерес представляли такие амулеты. По сообщениям исследователей и наших информантов такие камни с естественными отверстиями подвешивались к сосудам, в которых изготавливались или хранили кисломолочные продукты, «чтобы они не прокисли» [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 361. Л. 107].

Несмотря на ограниченность количества предметов в статье будет сделана попытка классифицировать их по признаку принадлежности к объектам природы или культуры (материальной и духовной).

Преимущества территориальной принадлежности заключаются в том, что приводимые предметы можно рассматривать комплексно, без отрыва от среды их бытования.

Амулеты и обереги использовались в самых разных случаях от рождения до смерти. Так, определенные предметы в качестве амулетов вешали на колыбель с младенцем, чтобы защитить его от «дурного» глаза. Например, «среди амулетов, которые кабардинцы привешивали к детским люлькам, встречались

кусочки дерева» [Шиллинг 1931: 46]. Интересен тот факт, что по местным поверьям все болезни и сила нечестии от ребенка переходила в дерево. А человек в свою очередь получал различные блага от него.

Абхазы, в свою очередь, также считая новорожденного особенно подверженным сглазу, не оставляли ребенка одного в колыбели. В том случае, когда это было необходимо

«под люльку клали веник, сыпали кусочек золы или угля, либо клали какой-либо железный¹ предмет. Кроме того, они у изголовья ставили палку из дикой яблони, алычи или грецкого ореха» [Дбар 2000: 71].

Таким образом, они старались оградить от сглаза пространство вокруг младенца. На перекладине колыбели вешали амулеты похожие на те, что использовались у соседних народов Северо-Западного Кавказа, а также в красную ткань зашивали щепотку соли, чеснок, шерсть черной собаки и даже магнит. Эти амулеты должны были располагаться таким образом, чтобы взгляд того, кто входил в комнату, где находился младенец, попадал на них. Таким образом, эти предметы принимали на себя «основной удар злого глаза» [ПМА 2020].

Основным материалом при изготовлении деревянных амулетов являлись боярышник, шиповник и орешник. Использование орешника в качестве амулета на территории Северо-западного Кавказа восходит к раннему средневековью. При раскопках могильника Мощевой Балки были найдены остатки ореховых палочек и плоды ореха, зашитые в шелковый мешочек [Иерусалимская 2012: 378]. Найденные в этом памятнике предметы свидетельствуют о применении в качестве амулетов или оберегов костей различных животных, которые пришивались к одежде.

«В специальных мешочках-ладанках (обычно шёлковых, очень напоминающих европейские, использовавшиеся в средние века для христианских реликвий) – кат. 43–45, 72, 81, подвешенных к нагрудной петле платья или к поясу, носили палочку лещины, иногда кору, корешки или ягоды, – свидетельство распространёнейшего на Западном Кавказе с древности и почти до современности культа деревьев» [Иерусалимская 1992: 54].

В более позднее время на свадьбе во время приготовления специального места для невесты его «украшали множеством амулетов, игравших роль оберегов от «сглаза» и «вредоносной» силы. Народы Северо-Западного Кавказа, веря в магическую силу амулетов, оберегов, различных духов и пр. с целью охранения себя и своего дома использовали предметы, которые их окружали. Такими предметами могли быть камни, фрагменты дерева, куски тканей, железные предметы, скелеты животных. Кроме того, «амулетами считались различные бусины – красные, белые, глазчатые, янтарные, а также раковины. Чаще всего

¹ Отношение к железу как к сакральному предмету имело широкое распространение. Металлические/железные предметы использовались в качестве оберега не только по отношению к младенцам, но и к взрослым. Например, по сообщениям исследователей абазин «в случае ранения или перелома кости у постели больного устраивали шумные гуляния с песнями и танцами, которые назывались *ачапшьара*. Всякий, кто приходил к больному, должен был переступить через лежащий у порога железный предмет, так как, по их мнению, он предохранял от дурного глаза» [Лавров 1955: 3]

это были раковины – каури, а иногда и простые раковины двустворчатого моллюска» [АРЭМ. Ф.2. Оп.2. Д. 361. Л 101]. Помимо вышперечисленных предметов амулетами могли быть кусочки воска, особенно если она горела у изголовья покойника. Такие кусочки использовали осетины, прикрепляя их к волосам младенца [АИЭА РАН. Ф. 53. Оп. 5. Д. 1381. Л. 96].

Еще в 30-е гг. XX в. Е.Н. Студенецкая обратила внимание на весьма распространенный в регионе способ защиты.

«Тряпочкой красного цвета обвязывали предмет или живое существо, которое надо было уберечь. Такие тряпочки мы видели на шее или рогах скота, на ткацком стане, маслбойке, деревьях сада в Карачае, Балкарии, Кабарде и Осетии» [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 361. Л. 108].

Использование камня в качестве оберега в исследуемом регионе имеет широкое распространение. Камни с естественными отверстиями, либо осколки священных камней зачатую становились предметами оберега, как дома, так и конкретного человека. Известны отдельные предания, в которых говорится о том, что, отправляясь в путь, мужчины-горцы брали с собой вышеназванные осколки. Здесь можно привести два примера. Первый связан с адыгскими племенами. В верховьях рр. Большой и Малый Зеленчук возле аула Инжич-Чукун находится башня Адиюх¹.

«Адыги, проживавшие в этом районе, также приезжавшие из других краев считали своим долгом оставить здесь пули, монетку или лоскуток одежды. Покидая это святилище, они обязательно брали с собой осколок как талисман» [Шортанов 1992: 16–17].

Похожее предание сохранилось в памяти карачаевцев. В так называемом Большом Карачае находится *къадаутаиш* – камень, который оберегал карачаевские аулы. Этот камень и место, где он находится, до сих пор считаются священным и здесь жители Большого Карачая проводили жертвоприношения. По рассказам информантов, «в прошлом, когда карачаевцы уезжали далеко от дома, они отламывали кусочек священного камня, клали в газырь или кيسеты и брали с собой. Карачаевцы считали, что *къадаутаиш* будет оберегать в пути» [ПМА: 2016]

Кроме того, народы Северо-Западного Кавказа, в качестве оберега использовали могильные камни. Например, бесплодные карачаевские женщины приходили на могилу, брали оттуда землю и камень и хранили их как обереги [Шаманов 2014: 392]. Как правило, охранительные камни брали с могил местных мусульманских святых. В качестве примера можно указать на то, что для адыгов важное значение имели могилы представителей высшего сословия, которые при жизни пользовались особым уважением в обществе. Так известно,

¹ Упомянутую башню народы Северо-Западного Кавказа называют по разному. По сообщению Л.И. Лаврова «по-черкесски Адиюх, по-абазински – Кайдух, по ногайски – Ак-билек. Бытующее предание гласит о том, что здесь жили Нарт Сосруко и его светлорукая жена. Она была построена переселившимся из Кабарды князем Хаджи-Темрюком, сыном Бамата Кургокина, в начале 1760-х годов. Оно было согласовано с крымским ханом Крым-Гиреем, который дал Темрюку своих мастеров. Легенда о том что ее построил Сосруко потратила свою актуальность поле публикации дневника майора Татарова, который был отправлен в Кабарду по служебным делам [Лавров 1940: №284, 2]

что «осколки могильного столба известного в народе как предводителя зависимых сословий Дамалея Широкоплечего использовались в качестве оберегов в Кабарде, а в Адыгее Кимчерия Ханахока» [Шортанов 1992: 17]

Каменные амулеты, по поверьям народов Северо-Западного Кавказа, кроме способности к охранительной магии обладали еще и целительными свойствами. Известно, что «абазинские знахарки мочили в воде каменный амулет и прикладывали к больной части тела» [Лавров 2009: 146]. Такие же камни-амулеты жители исследуемого региона вешали на ветвях садовых деревьев для того, чтобы они охраняли сад от насекомых, и чтобы деревья хорошо росли [РЭМ. Колл. 6539-6].

Рис. 2. РЭМ. Колл. 6539-6.

Отдельный научный интерес представляет амулет, представленный в коллекции РЭМ под номером 6539-3, в котором на одной нитке нанизаны две раковины, бусина и два треугольной формы. В этом предмете видно сосуществование у народов Кавказа исламских и окончательно не искорененных доисламских верований. «У всех народов Северного Кавказа представления и обряды об официальной религии сочетались с пережитками первобытных верований», – пишет Е.Н. Студенецкая [Студенецкая 1974: 82]. На Северном Кавказе бытовая религиозность еще в XX в. была переплетена с дохристианскими и домусульманскими религиозными представлениями и обрядами, хотя в современный период в связи с новой волной исламизации, особенно среди молодежи, эти представления отходят в прошлое.

Экспонат 6539-3 говорит об использовании в качестве оберега как камней и бусин разных цветов, так и раковин моллюсков. Чаще всего это были раковины-каури, а иногда и простые двустворчатые раковины. Еще в первой половине XX в. Г.Ф. Чурсин писал о том, что «раковины чаще употребляются в соединении с камнями или бусами, нанизав на нитку в виде ожерелья или нашиваются на материю» [Чурсин 1929: 22]. Такие амулеты встречались у большинства народов Кавказа.

Рис. 3. РЭМ. Колл. № 6539-3.

Распространение таких оберегов отмечали исследователи различных периодов. В первой половине XX в. Л.И. Лавров в своих наблюдениях о духовной жизни адыгейцев писал:

«Большинство адыгейцев пребывало во власти суеверий. Многие, особенно дети, носили на шее амулеты, состоявшие из раковин каури и кожаных мешочков, в которых помещались бумажки с написанными на них арабскими молитвами» [Лавров 2009: 482].

Дуа, подвешенная рядом с немусульманскими оберегами, является хорошей иллюстрацией сосуществования у кабардинцев ислама с домусульманскими магическими представлениями. Возможно, помещение дуа на одну нитку с раковиной и бусиной должно было «усилить» магические свойства амулета.

Следует сказать, что среди народов Северо-Западного Кавказа ислам получил широкое распространение уже к началу XIX в. и к этому времени восходит восприятие Корана как священного писания. В связи с этим «Отдельные суры и айаты, слова и буквы, являясь частью сакральной системы, приобретают собственную сакральность, и в этом качестве становятся объектом магических действий различного рода» [Резван 2007: 42]. Интересен тот факт, что для осетин-мусульман в качестве оберега для новорожденного ребенка использовали не только отдельные суры и айаты, но и собственно Коран [Кесаева 1998: 13-14].

То, что мусульманская традиция на протяжении всего своего существования знала практику изготовления талисманов и оберегов, стало дополнительным подспорьем для того, чтобы в сознании народов Северо-Западного Кавказа доисламские и привнесенные новой религией практики соединились.

Само по себе использование дуа в качестве охранительного амулета начинается тогда, когда в кавказской среде появилось местное духовенство. Здесь их называли *эфенди*, или *мулла*. Имея мусульманское образование, и знания в

чтении Корана, местные эфенди руководили обрядами жизненного цикла в той части, которая с их точки зрения не противоречила нормам ислама¹.

Мулла-эфенди писал молитву для конкретного человека. Чаще всего это были дети. По адыгским преданиям:

«терять *дуа* было опасно, так как он мог попасть в руки недоброжелателя. При потере *дуа* адыги снова обращались к мулле чтобы он написал соответствующую молитву, которая обезопасила бы владельца от негативного воздействия» [Ботяков 2006: 83].

Осетины также считали, что терять или даже ронять амулеты нельзя, так как упавший на землю амулет терял свои магические свойства [Кесаева 1998: 16].

На рубеже XIX-XX вв. *дуа* зашитые в треугольные мешочки имели широкое распространение. По сообщениям исследователей здесь, на Северо-Западном Кавказе можно было увидеть на шее, как у детей, так и у взрослых, ладанку с зашитой предохраняющей молитвой. По народному поверью эти ладанки оберегали владельцев от несчастий и болезней.

«Как это часто бывает в среде мусульман неарабского происхождения, важны уже не сами арабские слова, которые теряют свой смысл ввиду незнания (или недостаточного знания) языка, а лишь их присутствие. В большом количестве случаев бумага с сурой не видна не только посторонним, но и самому обладателю амулета. Она, свернутая и заклеенная, скрыта в амулетнице, которая является составной частью амулета» [Иванова 2009: 55].

Такие же обереги прибивались над дверным косяком или хранили в недоступном от детей месте. Народы Северо-Западного Кавказа считали:

«для того, чтобы жить в нем благополучно, нужно оградить его амулетами, произнести необходимые молитвы и соблюдать правила взаимодействия с нечистой силой, чтобы случайно не перейти ей дорогу» [Каспина 2018: 72].

Зашитые в мешочки *дуа* отличались от народных талисманов и оберегов тем, что обязательным составляющим элементом являлись письменные тексты. В данном случае здесь именно текст выполнял защитную функцию. Применительно к исламским молитвам среди большинства имело место их магическая интерпретация, когда молитва начинает рассматриваться как действующая сама по себе подобно заклинанию.

Сакральное отношение к письму вообще у народов Северо-Западного Кавказа также зафиксировано в исследовательской литературе. Например, Л.И. Лавров, ссылаясь на сообщение XVIII в., пишет:

«Сохранилось известие от XVIII в., что у баракаевцев употреблялся какой-то талисман с греческой надписью; в 1776 г. один храбрец согласился извлечь при помощи этого талис-

¹ Эти обряды проводились не бесплатно. Например, у карачаевцев «состоящий в должности мулла от каждого двора весной получает по рублю, а осенью по барану; за отправление разных треб платится особенно и, обыкновенно, очень щедро» [Ган 1893: №344, 2-3] В каждом квартале у карачаевцев и хабле-поселок у черкесов, был свой выбранный эфенди. Кроме того, муллы-эфенди занимались «чернокнижием, и с помощью амулетов лечили различные болезни [Колесников 1898: №257, 2].

мана из скалы “заколдованный клад” предварительно выговорив себе от баркаевского общества плату – 250 овец. Доставленный на поверхность “клад” оказался археологическим предметом – две доски со вбитыми в них гвоздями. Баракаевцы не найдя клада, тем не менее, отнесли к деревяшке, как к фетишу» [Лавров 1955: 32]

Так как молитвы были написаны на арабском языке, а знающих его было мало, многие не могли сказать какие именно суры и айаты Корана были там записаны. Клочки бумаги, как правило, зашивались в уже упомянутый кожаный или тканевый мешочек и вешали на шнур как подвеску. Либо вшивали в длинную ткань и как цепочку носили на шее [РЭМ, колл. 1187-29].

Рис. 4. РЭМ. Колл. № 1187-29.

Похожие амулеты имели широкое распространение и у черноморских шапсугов в первой половине XX в. Бывали случаи, когда такие молитвы складывали в серебряный футляр, который таким образом превращался в сакральный предмет. Относительно ювелирных изделий Кавказа, по мнению исследователя В.А. Дмитриева, «можно вести речь о сакральном значении не только серебра, но и других материалов – бирюзы, (ее имитация), кораллов, сердолика и других полудрагоценных камней» [Дмитриев 2011: 267].

Кроме специфически мусульманских, по сообщениям исследователей-кавказоведов XX в., в качестве амулета могли использоваться любые предметы как традиционно бытовые, так и современные. После совершения над ними некоторых действий эти вещи входили в «некоторую семиотическую систему, по-

сле чего они приобретали тот или иной семиотический статус, то есть занимали определенное место на шкале семиотических явлений, искусственно созданных человеком» [Байбурин 1981: 215–216]. В качестве примера можно назвать пробитую крышку от противогоза, входящую в коллекцию РЭМ, наряду с другими культовыми предметами [РЭМ, колл. 6539-5].

Рис. 5. РЭМ. Колл. № 6539-5.

Этот предмет, наряду с другими, также представленными в коллекции, навешивался на деревья для того, чтобы они хорошо росли и в них не заводились черви. Причину выбора данного предмета в качестве превращения его в амулет сказать сложно. Можно предположить, что причиной было то, что народы Северо-Западного Кавказа придавали сакральное значение железу и железным предметам.

Превращение бытового предмета в культовый было зафиксировано и у осетин.

Осетины «ребенка сразу же после рождения трижды протягивали через отверстие чесалки для шерсти. Делали это так. Роженица просовывала ребенка в чесалку вперед головой, а другая женщина вытягивала его за плечи, а потом вновь передавала его матери. Затем чесалка оставалась в качестве оберега у изголовья матери» [Кесаева 1998: 14].

В использовании чесалки в родильном обряде можно предположить, что женщины таким образом старались уподобить ребенка шерсти, то есть чтобы он был гладким и прямым. Чесалку преподносили в качестве свадебного обряда преподносили невесте, считая ее предметом, обладающим апотропеическими функциями.

На плетнях и заборах карачаевского жилья увидите насаженные на шесты лошадиные, коровьи или бараньи черепа; этим карачаевец пытается защитить

свое имущество от худого глаза, от действия злых духов и даже от воров [Сысоев 1913: 76]

Еще одной группой предметов, использовавшихся народами Северо-Западного Кавказа, были черепа животных: как правило это были конские, реже коровьи и овечьи. В первой четверти XX в, во время этнографических экспедиций в отдельных областях исследуемого региона исследователями были зафиксированы заборы, на которых были навешаны конские черепа. «Все черкесские народы чтобы предохранить двор от дурного глаза вешали на заборе конский череп» [Лавров 1978: 82]. Похожую картину наблюдали исследователи и среди карачаевцев.

«Пережитком культа лошади являлось использование в магии конского черепа (*ат баи суюк*), который с целью оберега дома, усадьбы, огорода вывешивался на ограде, на центральном столбе жилищ. И теперь, очень часто можно встретить около сакли надетый на шест лошадиный череп, предохраняющий, по мнению карачаевца, от несчастья и дурного глаза, от злых духов [Шаманов 2014: 398].

Изучая эту проблематику, Л.И. Лавров приходит к следующему выводу:

«Древность религиозно-магического использования конских черепов на Кавказе датируется находкой золотого ритона в Мерджанском могильнике (IV-III в. до н.э.). На ритоне, рядом с восседающей богиней, изображен воткнутый в землю кол, на который насажен конский череп» [Лавров 2009: 202].

В фондах РЭМ хранятся два конских черепа, привезенных из Осетии [Рэм, колл. 8761-15746].

Рис. 6. РЭМ. Колл. № 8761-15746.

Среди кавказских женщин амулетами-оберегами также служили различные украшения: перстни, кольца, браслеты и т.д. Ювелирные предметы, носившиеся женщинами, были не столько украшениями, сколько оберегами. Они обеспечивали магическую защиту от «злых» сил природы, опасных в различные периоды жизни. Эти украшения защищали также мужчин от сил, бывших для них «опасными», но покровительствовавших женщинам. Можно предпо-

ложить, что такая традиция восходит к раннему средневековью, о чем свидетельствуют найденные в могильнике Мощевая Балка.

«С левой стороны в шов притачивания раскашивающего клина на линии плечевого перегиба втачивался ритуальный мешочек-амулетница, из шелка или холста. Этот мешочек владелица платья могла наполнить по своему усмотрению важными предметами, которые наделялись функциями оберега. Такими как: раковины каури, плод грецкого ореха и различными бусинами. Для алан характерна асимметрия декора парных элементов костюма (рукавов, обуви и др.). Так у женщин на левой («женской») стороне часто нашивалось больше украшений» [Шевченко 2013: 39].

Даже после смерти, с целью защиты, в могилу женщины клали украшения. Об этом свидетельствует серебряное кольцо, которое находилось на руке мумии, найденной в наземном склепе [РЭМ, колл. 6689-1].

Рис. 7. РЭМ. Колл. № 6689-1.

Подводя итог можно отметить, что, если в письменных культурах, как например в Китае, «составление амулетов подверглось определенной популяризации перейдя из области литургии в народную традицию» [Волчкова 2003: 36] на Северо-Западном Кавказе этот процесс происходил параллельно. Мировые религии ислам и христианство не смогли окончательно вытеснить сложившиеся здесь традиции. У народов исследуемого региона, как в прошлом, так и настоящем благополучно сосуществуют мировые религии и народные верования. Об этом свидетельствуют не только использование отдельных сур Корана в качестве оберегов как самостоятельные предметы, но и их сочетание с другими сакральными предметами, которые по представлениям кавказских народов непременно защитят от всякой нечестии. Этот вывод подтверждается высказыванием, которое можно часто услышать в регионе: «Если это не поможет, то другое точно поможет».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АИЭА РАН. Ф. 53. Оп. 5. Д. № 1381. г. – Архив института этнологии и антропологии Российской академии наук. Ф. 53. Оп. 5. Д. № 1381. г.

АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 361. – *Студенецкая Е.Н.* Материалы по пережиткам религиозных верований у народов Северного Кавказа // Архив российского этнографического музея (РЭМ) Ф. 2. Оп. 2. Д. 361.

Байбурин 1981 – *Байбурин А.К.* Семиотический статус вещей и мифология / А.К. Байбурин // Материальная культура и мифология. (Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 37). – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1981. – С. 215-226.

Ботяков 2006 – *Ботяков Ю.М.* Архивные и иллюстративные материалы Е.М. Шиллинга по традиционным верованиям адыгов из собрания МАЭ // Народы Кавказа: музейные коллекции, исследования объектов и явлений традиционной и современной культуры. – СПб: МАЭ РАН, 2006. – С. 30-63.

Басилов, Винкельман 1993 – *Басилов В.Н., Винкельман И.* Религиозные верования. Свод этнографических понятий и терминов. (Под. общ. ред. Бромлей Ю.В.). – Выпуск 5. – М.: Наука, 1993. – 240 с.

Волчкова 2003 – *Волчкова Е.В.* Амулетная магия в ритуальных практиках китайских деревенских традиционных союзов // Религиозный мир Китая. – М.: Издательская группа «Муравей», 2003. – С. 227-236.

Ган 1893 – *Ган К.О.* В Верховьях Кубани и Теберды // Кавказ. – 1893. – № 344. – С. 2-3.

Дбар 2000 – *Дбар С.А.* Обычаи и обряды детского цикла у абхазов (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Сухум: Алашара, 2000. – 133 с.

Дмитриев 2011 – *Дмитриев В.А.* Собрание Российского этнографического музея по культуре народов Кавказа исламского круга // Ислам в России и за ее пределами: история, общество, культура. Сборник материалов межрегиональной научной конференции, посвященный 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Баталхаджи Белхароева. – СПб.: Магас: МАЭ РАН 2011. – С. 263-270.

Иванова 2009 – *Иванова В.В.* Традиция изготовления письменных амулетов как связь времен и пространств // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. – СПб.: МАЭ РАН (Кунсткамера), 2009. – С. 53-58.

Иерусалимская 1992 – *Иерусалимская А.А.* Кавказ на Шелковом пути. Каталог временной выставки / А.А. Иерусалимская. – СПб.: Государственный эрмитаж, 1992. – 72 с.

Иерусалимская 2012 – *Иерусалимская А.А.* Мощевая Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. – СПб.: Изд-во. Гос. Эрмитажа, 2012. – 384 с.

Каспина 2018 – *Каспина М.М.* Представления о домовом в еврейском фольклоре и книжности // Демонология как семиотическая система. Материалы V Международной научной конференции. – М.: РГГУ, 2018. – С. 72-75.

Кесаева 1998 – *Кесаева Р.Э.* Традиционное воспитание детей в современной осетинской семье: этносоциологический анализ: дис. канд. соц. наук: 22.00.04; Ин-т социальных исслед. РАН. – М., 1998. – 32 с.

Лавров 1940 – *Лавров Л.И.* Кто и когда построил башню Адиух // Красная Черкессия. – 1940. – № 284.

Лавров 1955 – *Лавров Л.И.* Абазины. Историко-этнографический очерк // Кавказский этнографический сборник. – М.: АН СССР, 1955. – С. 5-47.

Лавров 1978 – *Лавров Л.И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978. – 182 с.

Лавров 2009 – *Лавров Л.И.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев балкарцев. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. – 556 с.

Лойко 2013 – *Лойко Л.М.* Артефакты верований народов Поволжья и Приуралья в фондах Российского этнографического музея: история сбора, изучения и презентации // Этнографические коллекции в музеях: культурные стратегии и практики. Материалы двенадцатых Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2013. – С. 246-254.

Резван 2007 – *Резван М.Е.* Овеществление Слова: талисманы, амулеты, обереги // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. – СПб.: Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука», 2007. – С. 41-70.

Религиозные пережитки 1940 – *Религиозные пережитки* у черкесов-шапсугов [Текст]: Мат-лы Шапсугской экспедиции 1939 г. / Под ред. С.А. Токарева и Е.М. Шиллинга. – М.: МГУ, 1940. – 82 с.

Студенецкая 1974 – *Студенецкая Е.Н.* Маски народов Северного Кавказа // Народный театр. – Л.: Государственный музей этнографии народов СССР, 1974. – С. 82-105.

Сысоев 1913 – *Сысоев В.М.* Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис: тип. К.П. Козловского, 1913. – Вып. 42. – 156 с.

Чурсин 1929 – *Чурсин Г.Ф.* Амулеты и талисманы кавказских народов. – Махачкала-Пятигорск: «Терек», 1929. – 47 с.

Шаманов 2014 – *Шаманов И.М.* Календарь и календарная обрядность // Карачаевцы. Балкарцы / Отв. ред. Каракетов М.Д., Сабанчиев Х-М.А. – М.: Наука, 2014. – 815 с.

Шевченко 2013 – *Шевченко К.В.* К вопросу о костюме населения района верховьев Кубани в VIII-IX вв. (По материалам могильника Мощевая балка) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. – Ставрополь: Изд-во «Графа», 2013. – Вып. 3. – С. 36-42.

Шиллинг 1931 – *Шиллинг Е.М.* Черкесы // Религиозные верования народов СССР Сборник этнографических материалов. – Т. II. – М.: Ленинград: Московский рабочий, 1931. – С. 41-55.

Шиллинг 2018 – *Шиллинг Е.М.* Амулеты восточного Кавказа (с предисловием Е. Терюковой) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2018. – № 1 (36). – С. 213-228.

Шортанов 1992 – *Шортанов А.Т.* Адыгские культы. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 165 с.

REFERENCES

Arkiv Instituta etnologii i antropologii RAN [Archive of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences]. Fund 53. Inventory 5. Feil 1381. (in Russ.).

BAJBURIN A.K. *Semioticheskiy status veshchej i mifologiya* [The semiotic status of things and mythology]. – Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie 1981. – P. 215-226. (in Russ.).

BASILOV V.N., VINKEL'MAN I. *Religioznye verovaniya. Svod etnograficheskikh ponyatij i terminov* [Religious beliefs. A set of ethnographic concepts and terms]. / Ed. By Bromlej YU.V. – Вып 5. – М.: Nauka, 1993. – 240 p. (in Russ.).

BOTYAKOV YU.M. *Arhivnye i illyustrativnye materialy E.M. SHillinga po tradicionnym verovaniyam adygov iz sobraniya MAE* [Archival and illustrative materials by E.M. Schilling on the traditional beliefs of the Adygs from the collection of the MAE]. – SPb.: MAE RAN, 2006. – P. 30-63. (in Russ.).

DBAR S.A. *Obychai i obryady detskogo cikla u abhazov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)*. [Customs and rituals of the children's cycle among the Abkhazians (the second half of the XIX - early XX centuries)]. – Suhum: Alashara, 2000. – 133 p. (in Russ.).

CHURSIN G.F. *Amulety i talismany kavkazskih narodov* [Amulets and talismans of the Caucasian peoples]. – Махачкала-Птигорск: «Терек», 1929. – 47 p. (in Russ.).

DMITRIEV V.A. *Sobranie Rossijskogo etnograficheskogo muzeya po kul'ture narodov Kavkaza islamskogo kruga* [The collection of the Russian Ethnographic Museum on the culture of the peoples of the Caucasus of the Islamic circle]. In: *Islam v Rossii i za ee predelami: istoriya, obshchestvo, kul'tura. Sbornik materialov mezhhregional'noi nauchnoi konferentsii, posvyashchennyi 100-letiyu so dnya konchiny vydavushchegosya religioznogo deyatelya sheikha Batal-khadzhi Belkharoeva.* – SPb., Magas: MAE RAN, 2011. – P. 263-270. (in Russ.).

GAN K.O. *V Verhov'yah Kubani i Teberdy* [In the upper reaches of the Kuban and Teberda]. In: *Kavkaz.* – 1893. – № 344. – P. 2-3. (in Russ.).

IERUSALIMSKAYA A.A. *Kavkaz na Shelkovom puti* [The Caucasus on the Silk Road]. In: Katalog vremennoj vystavkiю. – SPb.: Gosudarstvennyj ermitazh, 1992. – 72 p. (in Russ.).

IERUSALIMSKAYA A.A. *Moshchevaya Balka. Neobychnyj arheologicheskij pamyatnik na Severokavkazskom shelkovom puti* [The Paving Beam. An unusual archaeological monument on the North Caucasian Silk Road]. – SPb.: Izd-vo. Gos. Ermitazha, 2012. – 384 p. (in Russ.).

IVANOVA V.V. *Tradiciya izgotovleniya pis'mennyh amuletov kak svyaz' vremen i prostanstv* [The tradition of making written amulets as a connection of times and spaces]. In: Radlovskij sbornik: Nauchnye issledovaniya i muzejnye proekty MAE RAN v 2008 g. – SPb.: MAE RAN (Kunstkamera), 2009. – P. 53-58 (in Russ.).

KASPINA M.M. *Predstavleniya o domovom v evrejskom fol'klоре i knizhnosti* [Demonology as a semiotic system. Materials of the International Scientific Conference]. – Moskow: RGGU, 2018. – P. 72-75. (in Russ.).

KESAEVA R.E. *Tradicionnoe vospitanie detej v sovremennoj osetinskoj sem'e: etnosociologicheskij analiz. Diss. kand. soz. nauk* [Traditional upbringing of children in a modern Ossetian family: an ethnosociological analysis]. – M.: Institut Social'no-politicheskikh issledovanij RAN, 1998. – 32 p. (in Russ.).

LAVROV L.I. *Kto i kogda postroil bashnyu Adiyuh* [Who built the Adiyukh Tower and when]. In: Krasnaya CHERkessiya. – 1940. – № 284. – P. 2. (in Russ.).

LAVROV L.I. *Abaziny. Istoriko-etnograficheskij ocherk* [Abazines. Historical and ethnographic essay]. In: Kavkazskij etnograficheskij sbornik. – Moskow: AN SSSR, 1955. – P. 5-47. (in Russ.).

LAVROV L.I. *Istoriko-etnograficheskie ocherki Kavkaza* [Historical and ethnographic essays of the Caucasus]. – L.: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1978. – 182 p. (in Russ.).

LAVROV L.I. *Doislamskie verovaniya adygejcev i kabardincev // Izbrannye trudy po kul'ture abazin, adygov, karachaevcev balkarcev. – Nal'chik: GP KBR «Respublikanskij poligrafkombinat im. Revolyucii 1905 g.», 2009. – 556 p. (in Russ.).*

LOJKO L.M. *Artefakty verovanij narodov Povolzh'ya i Priural'ya v fondah Rossijskogo etnograficheskogo muzeya: istoriya sbora, izucheniya i prezentacii* [Artifacts of the beliefs of the peoples of the Volga region and the Urals in the funds of the Russian Ethnographic Museum: the history of sbora, izucheniya i prezentacii. Ethnographic collections in museums: cultural strategies and practices. Materials of the twelfth St. Petersburg Ethnographic Readings]. – St. Petersburg, 2013. – P. 246-254. (in Russ.).

Religioznye perezhitki u cherkesov-shapsugov [Religious remnants of the Shapsug Circassians]: Mat-ly Shapsugskoi ekspeditsii 1939 g. / Pod red. S.A. Tokareva i E.M. Shillinga. – M.: MGU, 1940. – 82 s. (in Russ.).

REZVAN M.E. *Oveshchestvlenie Slova: talismany, amulety, oberegi* [Reincarnation of the Word: talismans, amulets, charms]. In: Central'naya Aziya: tradiciya v usloviyah peremen. Sankt-Peterburg, 2007. P. 41-70 (in Russ.).

STUDENECKAYA E.N. *Maski narodov Severnogo Kavkaza* [Masks of the peoples of the North Caucasus]. Narodnyj teatr. – Leningrad: State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, 1974. – P. 82-105. (in Russ.).

STUDENECKAYA E.N. *Materialy po perezhitkam religioznyh verovanij u narodov Severnogo Kavkaza* [Materials on the remnants of religious beliefs among the peoples of the North Caucasus]. In: Archive of the Russian Ethnographic Museum *Fund.2. Inventory.2. Feil. 361. Fol. 101* (in Russ.).

SYSOEV V.M. *Karachaj v geograficheskom, bytovom i istoricheskom otnoshenii* [Karachai in geographical, everyday and historical terms]. In: Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza. – Tiflis: tip. K.P. Kozlovskogo, 1913. – Vyp. 42. – 156 p. (in Russ.).

SHAMANOV I.M. *Kalendar' i kalendarnaya obryadnost'* [Calendar and calendar rites]. In: Karachaevcy Balkarcy. Otv. Red. Karaketov M.D., Sabanchiev H-M.A. – Moskow: Nauka, 2014. – 815 p. (in Russ.).

SHEVCHENKO K.V. *K voprosu o kostyume naseleniya rajona verhov'ev Kubani v VIII-IX vv (Po materialam mogil'nika Moshchevaya balka)* [On the issue of the costume of the population of

the upper Kuban region in the VIII-IX centuries (Based on the materials of the Moshevaya Balka burial ground)]. In: *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza*. – Stavropol': Izd-vo «Grafa», 2013. – Вып. 3. – P. 36-42. (in Russ.).

SHILLING E.M. *CHerkesy* [Circassians]. In: *Religioznye verovaniya narodov SSSR Sbornik etnograficheskikh materialov*. – Т. II. – М.: Л., Moskovskij rabochij, , 1931. – P. 41-55. (in Russ.).

SHILLING E.M. *Amulety vostochnogo Kavkaza (s predisloviem E. Teryukovoj)* [Amulets of the Eastern Caucasus (with a foreword by E. Teryukova)]. In: *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*. – 2018. – № 1 (36). – P. 213-228. (in Russ.).

SHORTANOV A.T. *Adygskie kul'ty* [Adyghe cults]. – Nal'chik: El'brus, 1992. – 165 p. (in Russ.).

VOLCHKOVA E.V. *Amuletnaya magiya v ritual'nyh praktikah kitajskih derevenskih tradicionnyh soyuzov* [Amulet magic in the ritual practices of Chinese Village Traditional Unions]. In: *Religioznyj mir Kitaya. Izdatel'skaya gruppa «Muravej»*. – Moskow: Izdatel'skaya gruppa «Muravej», 2003. – P. 227-236. (in Russ.).

Информация об авторе

Р.Ш. Зельницкая – кандидат исторических наук.

Information about the author

R.Sh. Zelnitskaya – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 15.09.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 15.09.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.